

НАТАЛИЈА ЕЛИЗАРОВА НАТАЛИЈА ЈЕЛИЗАРОВА
ЧЕРТА ЦРТА

Библиотека
Логос

Уредник Редактор
РИСТО ВАСИЛЕВСКИ

НАТАЛИЈА ЕЛИЗАРОВА
НАТАЛИЈА ЈЕЛИЗАРОВА

ЧЕРТА ЦРТА

ПЕРЕВОД НА СЕРБСКИЈ ПРЕВОД НА СРПСКИ
ВЕРА ХОРВАТ

ПЕРЕВОД НА БОЛГАРСКИЈ ПРЕВОД НА БУГАРСКИ
ВАЛЕНТИНА РАДИНСКА

АРКА СМЕДЕРЕВО

НАТАЛИЯ ЕЛИЗАРОВА

ЧЕРТА

* * *

Черта проведена, ее лишь пересечь
И, кажется, вперед помчишься легкой ланью,
Прозрачна и чиста твоя польется речь.
Сомнения? Они остались там, за гранью.
Рассветная роса, черемуховый цвет –
Все вспомнилось в одно мгновенье налитое,
Как будто не жила в тумане столько лет,
Как будто не свое листала прожитое.

* * *

Словно тысячу лет простоявши в гнилой воде,
Отплываешь на волю, но точно не помнишь, где
Север-юг, и без компаса – не у дел.

А борта пробиты, вода затопляет дно,
Ни ведра, ни ложки *Радеющим* не дано,
Что в болоте, что в озере – все утонуть одно.

Позволяешь течь предательскому ручью
Слез соленых, просить у судьбы «ничью»,
И счастливой быть этой горечью.

* * *

Умирает птица – падет с шестка,
Лапки в воздух и дух долой,
И пойдешь во тьму светлый дух искать,
Эту правду в себе самой.
Держишь руки лодочкой – не споет,
Не расправит свои крыла.
Календарный день не идет в расчет,
Если птица в нем не жила.
Ввечеру разрою я саван-снег,
На скамеечке примощусь.
«Милуй», – скажет мне человек.
«Бог простит, да и я прощу».
Он прохожий и, верно, не ранил птах,
В легкокрылых них не стрелял,
Беззащитен сам, словно тот монах,
Что в пустыне один стоял.
Мне придется доверить пичугу льду,
Возвратиться в свое тепло.
И мешать и ворочать словес руду,
Несмотря, вопреки, назло.

* * *

Кашире

Отшелуши мою кожу, речной песок,
От неродного, лишнего, наносного.
Берег, как в сказке – не низок и не высок:
Родина, капище и бытия основа.
С древних времен, от дьяковских городищ
Веги свои считаешь и воды полнишь.
То от татар кочующих оградишь,
То от фашистов, после – беды не помнишь.
Новые весны новый влекут разлив,
Снова твои поля в васильковой сини.
Солнечным бликом Успенский собор горит,
Вишни цветут и яблони – с новой силой.
И ни Иван II-й, ни Абдул-Латиф,
Чей венценосный дракон на гербе чернеет,
Сонмы пожаров, набег, чума и тиф
Нет, не сломали тебя, не сломали тебя, вернее.

* * *

«Не погуби, а лишь, а лишь пригубь...»
Татьяна Галушко

Не губи меня, не губи,
Пригуби меня, приголубь.
Сотней сладостных голубик
Я замру у любимых губ.
Стаей ласковых голубиц
Окружу тебя, закружу.
Хрупкий иней промеж ресниц
Зацелую-заворю.
В эту зябкую, злую мглу
Не отдай меня, не предай.
Очень ветрено на углу.
Очень холоден нынче май.

* * *

В доме булки делали с лебедой,
Пахло гарью, вьевшеюся бедой.
Мчали кони – чашки падали со стола,
И горели мертвым золотом купола.
Год который – засуха, недород,
Покосило язвою весь народ.
Бесы вились, бесы чуяли: будет бой,
Мчались ратью половцы на разбой.
На реке на Стугне да быть беде –
Князь при темном берегу пал в воде.
Вздулась речка паводью, канул он,
В водах старца-инока слышен стон.
Говорил: вода возьмет, все одно,
Затянуло юношу вязко дно.
Плач стоял в селениях и домах,
Тосковал в Чернигове Мономах.

* * *

Когда в высотном доме
в одном окне загорается свет,
в другом – гаснет, и так эту долгую ночь
я смотрю на теплые огоньки,
чужие шторы, люстры и чайники,
в блочном кофеино-полуночном одичании.
Меня нет. Только темная-темная комната.
Можно не ждать и не помнить,
если можешь не ждать и не помнить.
Дворник сбивает лед.
Капает в кране вода.
Никогда. Никогда...

* * *

Милый, ты станешь веточкой, станешь деревом.
Ты отболишь в прозрачных моих сосудах
Ты утечешь по венам моим, по венам,
Нервная в пальцах дрожь, уроню посуду.
Ссудят еще мне годы, еще любви,
Я заплачу стихами, сорванным горлом.
Детские страхи оплачу и слезы вдовьи,
Счастье одно отдам, чтоб не стало горем.

* * *

Мне кажется, в ее квартире должно быть много
зонтиков –
черных зонтиков, забытых мужчинами:
обычных и с длинной ручкой – тростью.
Мне кажется, что, несмотря на это,
На нее порой попадают дождевые капли:
ей мокро и холодно.
Ведь кто-то должен стоять рядом и правильно
держат зонт.

* * *

Узкотелое лето в темных лихих веснушках
Настигает тебя, нагое, вешается на шею.
Колокольчик звякает, а оно шелестит на ушко:
«Помни, помни меня!»... А я и так не умею
Забывать, обиды копить, чувства прятать.
Скрип уключин, брызги, тяжелый и влажный
шепот.
Легких бабочек стайки и дыни янтарной мякоть
Слов чужих и колючих немолчный хохот.

* * *

В нише слепого нищего
Жалости не ищи.
Щедрость руки даящего –
Самый надежный щит.
Верись, стоишь на площади
В белом своем плаще.
Счастье – щепотка мелочи,
В утлом пространстве щель.

* * *

Говорить не стоит, не о чем. Говорим
ни о чём, рассеивая слова
бессистемно, сорно. Чашка, что ты дарил
соскользнула, поймали едва-едва.
И рука руки коснулась на самом дне,
словно в печь несем-отдаем ее обжигать –
эту глиняную безделку. В моем окне
видно стол, и тумбочку, и кровать.
И земному злomu холоду вопреки,
теплым телом равнодушие распластав,
потечет огонь по венам моей руки,
изменяя летучего вещества состав.
Отпечаток луны, осколок в радужке и зрачке.
Не порань глаза, если будешь в мои смотреть.
Это больше, чем эта комната, горше, чем
Гнать. Держать. Терпеть.

* * *

И падала в пустую полыню,
и подо льдом, бескровная, лежала,
И снилось поле, словно я бежала
Румяно-босоногая – к ручью.
Там бился ключ, прозрачная вода
Сбегала по камням в густые травы,
И взрослые, конечно, были правы.
Я – не права. Малы мои года.
И я смотрела в пустоту небес,
В бескрайнее, бездонное, глухое,
И думалось – да что же я такое?
И что мы все? И что мы значим – без...?
И я тогда о пустяках молилась,
Чтоб не ругали, чтоб любовь – навек.
Мне верилось еще, что человек
Быть счастлив может. Экая наивность.

* * *

А она лежит, и нога у нее – бревно.
Говорит всегда: «Без ноги я уже давно,
Как пошла в сберкассу, упала и вот - бедро».
А до этого было лето и огород,
Сад из яблонь и слив, соления - круглый год.
Земляника, смородина - просто просились в рот.
И семнадцать лет не входила я в этот сад,
Там сухие бесплодные яблони тихо спят,
А воротаны ржавые - песню свою скрипят.
Там тюльпанов и лилий клубни стали землей,
Королевский крыжовник покрылся коростой-тлей,
Провода над сараем свисают немой петлей.
А сама говорю: «Не волнуйся, лежи – лежи»,
И мучительно вижу, как в ней засыпает жизнь,
И как будто уходит на верхние этажи.
А она вспоминает снова: “...был жив твой дед...»,
Словно и не промчалось стремительно тридцать
лет,
Словно он и сегодня еще придет на обед.
И она мне рассказывать будет еще о войне,
О своем отце, попавшем в немецкий плен,
И о младших братьях, но более - о сестре.
Я стараюсь запомнить тонкую кисть руки,
И прозрачную кожу ее, седые виски,
И беззубый рот: «Доживаем мы, старики...»
Мне придется пройти тропинкой, что заросла,
Подписать договор о продаже «сего числа»,

И продать свою память - место, где я росла.
Где, копаясь в земле, собирала я червяков,
Где я плакала из-за капризов и пустяков,
И не думала, что не станет вдруг стариков.

* * *

Дребедень, лабудень, Лебедянь....
День уходит, с собой уводя
Златорогую лунную лань
По воде, по беде – от тебя.
Победитель не будет распят,
Побежденный очнется от пут,
Лани лунные в блюдечках спят,
Завтра ждет их истоптанный путь,
Хитрость лис, острый глаз воронья
И ворованный воздух лесов.
Пусть уходят! – Довольно вранья.
Замерзает к утру полынья,
И не слышно ничьих голосов.

* * *

Ложью ты не спасешься от нелюбви,
Но и со всею правдой в чаду не выстоять.
Кликай, аukai, на ощупь иди, зови,
Ноги сбивая о тверди тупые выступы.

Тело израня, выберешься жива.
О, оболочка, в ней тишина звенящая.
И облечешь безликость свою в слова,
Веруя только в прошлое, в настоящее

Не допуская мысли о том, что свет,
Лившийся в сердце, волосы и ладони, —
Это всего лишь люстра, а солнца нет.
Солнце — это иллюзия тех, что кроме.

* * *

Когда-то встречу, может быть... Когда
глаза потухнут в равнодушной стыни,
замерзнет вся соленая вода
на всей земле, и, не оставив сини
в твоих глазах ни пяди мне, тоска
забьется голубем седым и старым.
Пойду по городу себя искать,
в метро спущусь, за неимением пары
схвачусь за поручень так крепко, что земля
меня отпустит в долгое скитанье.
И мне уже не страшно, что зима,
что стен коробка, вечное молчанье
в ответ на риторический вопрос
самой себе: «А был ли мальчик? Не был?»
Седой старик свою роняет трость,
ребенок шарик отпускает в небо.
Вот там, быть может, встречу...

* * *

Посмотри на небо, оно отекло от слез.
У тебя в стеклянных глазах ни одной слезы.
Если даже не вместе, это не значит "врозь",
Если дождь всю неделю, то ждешь все равно
грозы.

По кому ударит? Кому утонуть в дожде?
В серых лужах смыслов, в затоне багровых вод.
На костяшках пальцев, на детских цветных драже
Погадаешь на вечность или наоборот.
Когда кончится слякоть, промозглая злая тишь,
И в твоё окно проникнет тревожный свет,
До тех пор ты ломаешь пальцы и ты молчишь,
До тех пор тебя в этой комнате просто нет.

* * *

Пожалуй, любви нет, а я долго верила
В эти сивые бредни церковно-марксистские.
Построить дом, родить сына, вырастить дерево,
И тихо питать очаг со своими близкими.
А в доме мечется ветер, не может вылететь.
Единственный сын растет – чтоб ни шага в
сторону!

А в дедушкином саду все деревья сломаны,
И новые яблони просто некому вырастить.
Все, вроде, по схеме общей, без отклонения.
Ну если не сын, а дочь – это тоже здорово.
А все живое в памяти замуровано.
Оно не впишется в графики, к сожалению.

* * *

Чтобы кто-нибудь где-нибудь ждал и смотрел
в окно,
И курил, и в озябших пальцах терзал карандаш.
Если ты – половина моя, то мы – одно,
Этот берег и луг, этот дом, этот мир – наш.
Если взгляд ускользает, а руки опять холодны,
Только холод уже не вне, он давно внутри,
Быть не целым, а просто осколками мы вольны,
От войны остались развалины – посмотри.

* * *

Отняли или не уберег.
Спрятал за печку бы, в дверь – замки.
Если бы каждого слышал Бог,
Были бы наши шаги легки.
Только попросишь соломки – на,
Сам расстилай, шевелись, спеши.
Только какого ж еще рожна?
Водки стакан. За помин души.

* * *

В Каменке нет камней, есть огромный ком –
Глыба из снега и льда обняла дома.
Если до города ночью идти пешком
Или замерзнешь, или сойдешь с ума.
Канешь в бессмыслицу жадной сырой степи,
Ляжет в низах туман, поглощая крик.
Вроде бы молод еще, вроде – кровь кипит,
Кинешься к зеркалу – смотрит седой старик.

* * *

Я спрячусь от осени, не дам ей себя оплакать.
Стоят вдалеке скамейки без горожан.
Старушка гуляет с внучкою, и собака
Стоит чуть поодаль, от холода хвост поджав.
Старушек-то было трое, но только эта
От них отличалась ярко-рыжим пальто
и темно-бордовой ягодкою берета,
Но только писала я вроде бы не о том...
И дедушка с палочкой тихо идет по скверу,
И ветер осенний лезет за воротник.
И я принимаю слово «развод» на веру,
Как будто бы фразу, вычитанную из книг.

* * *

До месяца волка – месяца тишины
Мне нужно еще дожить, доползти, добраться.
Я в самом начале долгой седой зимы,
Еще плюс восемь, а кажется – минус двадцать.
Серобородый туман приник к моему окну,
Этот старик с утра безмолвствует в серой вате.
Тело мое немеет, подвластное белому сну –
Этой синичьей спячке в выстуженной кровати.
А если вдруг дотяну до месяца бурь и ветров,
Руку протянет Герта – рыжеволосая дева,
Ладони мои согреет, и, верно, отгадет кров,
Истает узор со стекол – льдистый, заиндевелый.
И можно уже без страха – довольно! – идти во двор
Приветствовать нити солнца улыбкою-ликованьем.
И в месяц веселый зайца услышать нестройный
хор
Ушедших моих любимых – дыханию в оправданье.

* * *

*«Я никогда не умру
Ты никогда не умрешь»*

И. Ермакова

Я без тебя не умру,
Ты без меня не умрешь.

Сорную – режусь – срываю траву,
Вот еще эту и эту сорву.
Ты моих слез ждешь?

Это не берег, не берег реки,
Это нелепый обрубок руки,
Тянущийся и зовущий.

Мой ледяной полноценный кошмар
Бью по лицу себя, – точно, комар,
Кровь безвозмездно сосущий.

Перевяжи мои раны травой,
Сделай, ну что тебе! – только живой
Чтобы осталась я ныне.

В этом овраге, на лютой косе
Я научусь уже скоро «как все», –
Жалости нет и в помине.

Нет никого, я веду лишь с собой-
Непримиримый упорный конвой –
Сумрачные разговоры,

А на ладонях порезы-следы,
Мне бы дойти, дотянуть до воды,
Рядом, закончится, скоро.

* * *

Она спрашивает меня: «Ты не знаешь, за что мне
это, за что?»
Говорю: «Дождь сегодня весь день»,
отворачиваюсь к стене,
руку ее сжимаю. «Окно зашторь», –
шепчет тихо, и мысли заостене –
вают, веет пропастью и бедой.
Тени ближних и дальних подкрадываются из угла.
Говорит: «Приходил поутру человек седой,
говорил: убьют меня ночью, а я ждала.
Вот тебя ждала, чтобы проститься, теперь уйду.
А жила я долго, работала честно и вот каприз,
Что лежу развалиной старой живьем в аду,
Если б можно таблетку было, иль просто вниз,
ну, в окно». Под прозрачной кожей рисунок вен,
А она начинает снова: «За что, скажи?»
Я спешу покинуть пропахший тленом квартирный
плен,
А в подъезде колясок стайка – пребудет жизнь!
А в подъезде все те же надписи на стене,
Узнаешь вот свою помаду и хорошо.
«Оля любит Вову» и ниже еще «Е. Н.»
Вот уже стемнело, и дождь, наконец, прошел.

* * *

А дождь завис над патриаршими,
И капли с плеч на воду стряхивал.
Слепило солнце настоящее,
И шелестели тополя.
Вокруг, на лавочках, уставшие,
Задумчивые, задремавшие,
Друг друга нежно обнимавшие
Сидели люди, только я
Стояла у решетки кованой,
Смотрела дождь, на солнце шурилась,
И думала – ну как же здорово,
Словами мне не передать
Тебе вот эти лета проводы,
И пруд, и дождь на тихой улице.
А, может быть, давай без повода
Придем с тобой сюда гулять?

* * *

Не проехать, не перейти: широка река,
Ибо имя ей «долг», и вода ее глубока.
А в ветвях деревьев, что по берегам ее,
Откричало смердящее воронье:
«Вон отсюда, враже, не замути реки,
Ибо воды ее чисты и волны легки,
Ибо то, что чужое – ведомо, не твое,
Ибо песня умрет в реке, на волнах ее.
Что ты хочешь – прихоть, а то, что ты любишь –
ложь,
Будет тяжким игом то, что так долго ждешь,
Будет тяжелой долей выбор, пойдет отсчет».
А река играет, но мимо она течет...

* * *

И нет в доме моем ни птичьей трели,
Ни человеческой речи.
Обещанное зелье – злое время
Не мучит и не лечит.
Обманчивое снадобье-лекарство
Течет, но камень –
Ступи ногой, вступи на царство –
Стоит веками.
На нем писалась руна Урус:
Пространство-время.
Хлестала и слепила юность,
Роняла семя
В живую почву, с новой силой
Росли побеги
И с радостью невыносимой
Для новой неги
Рвалось, стегало и лупило,
Толкало в спину.
Ваяла жизнь, звала, лепила,
Наполовину
Сбылась, рассыпалась, как иней
Легла по саду.
И – слышишь? – жаворонок, и не
Жалей, не надо.

* * *

Когда долго-долго бьют тебя по глазам,
По нежнейшим пальцам, натягивающим струну.
Вспоминаешь, что где-то есть освещенный зал,
И резной паркет, и десятки миров-зеркал,
И вступаешь снова в нелепую эту войну.
Мчится глупое время, а мудрое – вдаль течет,
Ты междуешь жизнь, и кажется: вот – рубеж.
Но кружатся пары под ровный и мерный счет,
И ты левую руку кладешь ему на плечо.
И теперь только музыка в парке, и воздух свеж.

НАТАЛИЈА ЈЕЛИЗАРОВА

ЦРТА

Наталија Јелизарова

ПРЕВОД НА СРПСКИ ПЕРЕВОД НА СЕРБСКИЙ
ВЕРА ХОРВАТ

* * *

Црта је подвучена, само је треба прећи
И похрлити напред скоком лаке срнице,
Тад прозрачне и чисте ће се пролити речи.
А сумње? Остале су с оне стране границе.
Роса у праскозорје, бехар дивљих магрива,
У сећање долазе, згуснути једним треном,
Ко да нисам у магли толико дуго била,
Ко да не листам своје сопствено проживљено.

* * *

Ко да већ читав еон стојиш сред гњиле воде,
Израњаш ка слободи, ал не знаш тачно где
Север је, где југ; без компаса – куд очи воде.

А бродић пропушта, вода прекрива дно,
Ведро, лопатица – то *Брижницима* није дано,
У мочвари ил језеру потонути је свеједно.

Пушташ да издајнички поток суза лине
Слан, да измоли „нерешено“ од судбине,
И да још срећна будеш због те горчине.

* * *

Умире птица, пада у двориште,
Дух надоле, ножице к небу,
Кренеш у таму да светли дух иштеш,
Ону истину у самој себи.
Неће запевати у твојој шаци - чуноу,
Неће исправити своја крила.
Календарски дан се не рачуна
Ако птица није у њему била.
Разроваћу снег-покрив клечећи,
Поседећу на клупици скраја.
„Помилиј, 'прости“, – човек ће рећи.
„Бог прашта, опростићу и ја“.
Пролазник је – није он ранио птиће,
У њих лакокриле гађао није,
И сам је, види се, незаштићен,
Ко онај монах сред пустиње.
Птичицу морам да поверим леду,
Топлом кутку жури у касни сат,
Да топим и премећем словесну руду,
Без обзира, упркос, у инат.

* * *

*Каширу**

Де, сљушти ми кожу, речни песку,
Од несносног, наносног, од вишка.
Обала бајковита у сунчаном блеску:
Домовина, капиште** и основа бића.
Од древних времена, Дијаковских градина,
Путоказе бројиш и јазове без дна.
Од татарских номада си се оградио,
после од фашиста; за невољу не знаш,
Пролећа носе поводањ ко море,
Поља се плаве од различка благог.
Сунчевим зраком Успенски сабор гори,
Вишње и јабуке цвату новом снагом.
И ни Иван Други, ни Абдул-Латиф, уз
Змаја на грбу што је све тамнији,
Буљуци пожара, напади, чума, тифус
Нису те смрвили – сломили, тачније.

*Кашир (р. Кашира) град у Русији и археолошки локалитет који припада Дијаковској култури.

**Капиште (црквенослов. капище) - храм у коме су постављени кумири божанстава.

***Градина - стари назив за врсту преисторијске тврђаве утврђени град из доба неолита, нарочито су брајне у брончано и гвоздено доба а и средњег века који је претходио градовима, унутар које је била смештена стална војна постава. Насеља су обично грађена на узвишењима погодним за утврђења и одбрану - та места у народу се и данас називају градине. На основу нађених остатака назване су поједине археолошке целине нпр. Вучедолска култура, Гласиначка култура. На Истарском подручју градине се зову кастиљери. Градине су већином кружних основа.

* * *

„Не погуби, само, само ме пољуби...“
Татјана Галушко

Не погуби ме, не погуби,
Боље ме привиј, приљуби.
Слашћу што је купина скупи
Уз вољене усне се губим.
Ко успрх голубица нежних
Завртећу те, заварати,
А са веђа иње снежно
Изљубићу, зачарати.
У ту студен, љуту маглу,
Не дај ме и не предај.
Јер, ветровито је на углу,
Тако је хладан овај мај.

* * *

Тад су пекли погаче са лободом,
Воњ сиротиње и гара проже дом.
Коњски топот стреса зделе са стола,
Мртвим златом светлела је купола.
Кол'ко лета већ је суша и нерод,
Покосиле тешке ране сав народ.
Зли дуси већ луде, слуте – биће бој,
Половци ће убијати народ мој.
А над Стугном* надвила се тешка коб –
Речни муљ ће ратницима бити гроб.
Књаз погибе, страшан беше поводањ,
Из бујице јечи инок стар, јадан:
Надвладаће – рече – вода, свеједно,
Преварило млад-јунака склиско дно.
Јече села, покрио их мрак и прах,
Тужио у Чернигову Мономах.

** Реч је о бици на реци Стугни (1093) у којој се, према древном летопису, удавио кнез Ростислав*

* * *

Када се у вишеспратници
у једном прозору пали светло,
у другом се гаси, и тако сву дугу ноћ
посматрам топла светлуцања,
туђе ролетне, лустере и чајнике,
у кафено-поноћној подивљалости.
Мене нема. Само тамна-претамна соба.
Може се не чекати и не сећати,
ако можеш да не чекаш и да се не сећаш.
Улични чистач разбија лед.
Из славине капље вода.
Никада. Никада...

* * *

Мили, постаћеш грана, мили, постаћеш дрво,
Одболован у крви, у прозрачним судовима,
Отицаћеш низ вене, мојим венама прво,
Судове разбија нервни дрхтај у удовима,
Досудиће ми још лета, неке љубави нове,
Заплакаћу стиховима, песмом грла промуклог,
Детиње страхове исплакаћу, сузе удове,
А срећу поклонићу, да не би постала мука.

* * *

Мислим да у њеном стану мора бити много
кишобрана –
црних амрела које су заборавили мушкарци:
обичних и са дугом дршком – штапом.
Мислим да, без обзира на то,
по њој каткад попадну кишне капи:
влажно јој је и хладно.
Јер, неко треба да буде крај ње и правилно држи
кишобран.

* * *

Танковијасто лето с пегама љупким од сунца
Стиже те, обнажено, па те загрли умах.
Прапорац звечи, а оно жубори ти на увце:
„Памти ме, памти!“... А ја и тако не умем
Да забрављам, тајим и злопамћењем кињим.
Тешки и влажни шапат, прскање, весала шкрипа,
Лаких лептира јата, сочност јантарних диња,
Речи туђе, бодљасте, њихов непрестан кикот.

* * *

У ниши нишчег улудо
Сажалење тражиш ти.
Штедрост руке што нуди
Сигурнији је штит.
Верујеш, стојиш сред трга
У бели плашт огрнута.
Срећа је мајушна мрва,
Порозног простора кутак.

* * *

Не вреди говорити. Нема теме. Причамо
ни о чему, речи звуче прегласно,
хаотично, дивље. Шоља – твој дар, знамо,
склизну, једва је задржасмо,
и рука руке се косну при самом дну,
као да у пећ носимо ту ствар,
ту глинену играчку. У мом окну
види се сто, и лежај, и ноћни ормар.
И љутој земној хладноћи упркос,
топлина тела у равнодушност се зари,
да потече пламен венама – низ и кроз,
мењајући састав испарљиве твари.
Месечев печат – у зеници срп оштри.
Можеш да раниш очи, загледан у моје ти.
Веће је то од ове собе, и много горче
но прогнати. Задржавати. Поднети.

* * *

Падала сам у ледени бездан,
и под ледом бескрвна лежала.
У сну – поље, ко да сам трчала
босонога уз поточић ледан.
Прозрачна је вода отицала
са камења у високу траву.
Да, одрасли били су у праву,
а ја – нисам. Јер, била сам мала.
Зурила сам у пустош небеса,
у бескрајно, бездано и плаво,
питала се – шта сам ја заправо?
Шта смо сви? Шта значимо – без, са..?
За ситнице молих се умилно –
да не вичу, и за љубав довек.
Верујући још да може човек
срећан бити. Ех, каква наивност.

* * *

А она само лежи, нога јој је као клада.
Понавља стално: „Ах, без ноге сам још откада,
пођох до банке, падох, а кук, ето, настрада“.
Пре тога беше лето и плодови градине,
јабуке и шљиве, зимница целе године,
устима нудиле се јагоде и малине.
Седамнаест лета није ушла у врт, у кућу,
суве, бесплодне воћке ко да у сну шапућу,
а зарђале вратнице песму своју шкрипућу.
Луковице кринова постале су прах земљан,
краљевски огрозд сад је сав крастав и пепељав,
сплет жица с крова виси ко црни чвор упетљан.
Ја јој говорим стално: „Лежи, не секирај се“,
с муком гледам како животне снаге се гасе,
и као да узлећу на високе терасе.
И опет се присећа: „...још жив ти беше деда...“,
ко да од тада нема три десетине лета,
Ко да ће сваког часа да стигне пре обеда.
И сад ће опет да ми исприча ратну причу
О своме оцу, а немачком заробљенику,
млађе браће и сестре показаће ми слику.
Желим да упамтим зглоб њене руке танушан,
прозрачну кожу чела, седи прамен прогрушан,
безуба уста: „Ех, одосмо ми стари, слушај....“
Морам да опет прођем стазом што је зарасла,
потпишем уговор о продаји „дана, часа“
и продам сећање на место где сам одрасла.

Ту где сам некад копала црвиће по башти
Где сам плакала само да се мало инатим
И ни сањала нисам да стари ће нестати.

* * *

Пребудан, лепетан, Лебедјан*...
Златороге луне лане
На поводцу води дан.
Од тебе одводи, по води.
Победнику неће пасти глава,
Побеђени растрже опуте,
Лане луне у зделици спава,
Сутра креће утабаним путем.
Подлост лија, оштроокост врана,
Кра-крадени чисти ваздух шума.
Нека иду! – Доста претварања.
Лед у зору као да израња
Нигде гласа, ни звука, ни шума.

* *Лебедјан – град у Русији*

Лажима се нећеш спасти од нељубави,
Ал ни уз истине избећи нећеш чађи.
Дозивај, вичи, слепо тражи да се јави,
Саплићући се по неравнини – пут нађи.

Рањавог тела, жива ћеш да се извучеш.
О, опна, а у њој звонка тишина влада.
Безликост своју у речи заоденућеш,
Верујући само у прошло, а у сада

Не пустивши мисао да светлост што лева
И слива ти се у срце, на косу и длан –
Обичан је лампион, а да сунца нема.
Сунце је илузија оних што су изван.

* * *

Једном ћу срести, може бити... Онда
кад очи згасну, сјај од студи мине,
кад смрзне се свег света слана вода
не оставиши ни педаљ модрине
у твојим очима ми; тад ће сета
да залепета ко голуб сед и стар.
Градом ћу, тражећи себе, да шетам,
у метро сиђем, а пошто немам пар,
стиснућу држач снажно, да ме земља
пусти на једно дуго путовање.
Не плаши ме ни што се спрема зима,
теснац зидова, ни вечно ћутање
одговор на питања стална, немушта,
себи самој: „Био је дечак? Или није?!
И седокос старац штап испушта,
а дечији балон у небо се вије.
Е, тамо ћу, можда, срести...

* * *

Погледај према небу, од суза је отечено.
У стакластим ти очима ни једне сузе нема.
Мада заједно нисмо, реч „раскид“ није речена,
Ал ако дажди данима, тад се олуја спрема.
Ког ће да удари? Кога да потопа кишама
У сивој бари смисла, заливу с водом пурпурном?
На костима прстију, на шареним слаткишима,
Гатаћеш на вечност или нешто сасвим супротно.
Кад прођу лапавице, упорне љуте тишине,
У прозор ће ти заћи светлост као опомена,
Све дотле ломиш прсте и не говориш ни с киме,
До тада у овој соби тебе напросто нема.

* * *

Па добро, љубави нема; веровала сам прво
У све те причике разне, марксистичко-црквене –
Сагради кућу, роди сина и посади дрво,
Огњиште чувај и ближње, крај њега окупљене.
А у дому ветар хуји, не одлеће, лепета.
И син јединац расте – не сме ни корак у страну!
У дедином јабукару сломљена су дрвета,
И нико да га обнови, дигне отпалу грану.
И све је по општој шеми, ту одступања нема.
И да није син, већ кћер, и то би била дивота,
Али све живо у сећању зазидано ми дрема.
На жалост, не уклапа се у графиконе живота.

* * *

Да неко негде чека, зури кроз окно ледно,
Пуши и хладним прстима оловку искида баш.
Моја си половина – нас двоје смо, значи, једно,
А брег и луг, и овај дом, и цео свет је наш.
Поглед када се скреће, а руке хладне ко иње –
Само, студ није споља, већ одавно је изнутра –
Нећемо да смо цело, пре смо за крхотине,
Од рата само руине остадоше за сутра.

* * *

Отели су ти, ил ниси сачувао.
Да си бар сакрио иза пећи...
Кад би Бог свакога слушао,
Кораџи би нам били већи.
Само потражиш сламу – ево,
Простри и ушушкај се, друже.
Ал кога би врага још хтео?
Чашицу ракије. За помен душе.

* * *

Каменка нема камења – ту је само громада,
Све село заробљено у ледно-снежној груди.
Ако ти падне на ум да ноћу кренеш до града,
Или ћеш да се смрзнеш, ил напросто полудиш.
Тонућеш у бесмисао влажне и гладне степе,
Магла што гута крике чини да губиш правац.
Крв ти још кључа, мислиш, власник си младости
лепе,
А из огледала те посматра седи старац.

* * *

Скрићу се од јесени, да ме оплакује не дам.
У даљини се виде празне клупе, без људи.
Старица с унуком шета, пас ту подаље седа,
А онда устаје, креће, подвивши реп од студи.
Биле су ту три жене, ал само ова се, ето,
Од осталих издваја јарко риђим мантилом
и тамновишњевом бућком – украсом на берети,
Али, као да овде реч није о томе била...
И декица са штапом лагано шета по скверу,
Хладни јесењи ветар ми у оковратник клизи.
Прихватам израз „развод“ чисто онако, на веру,
Као једну од фраза прочитаних у књизи.

* * *

До месеца вука – или месеца тишине
Морам да чекам, пузим, као преко пустиње,
А на самом почетку те дуге беле зиме,
Плус осам ми се као минус двадесет чине.
Седобрад маглен облак прикрада се прозору
Тај старац још од јутра тихује, све је белји,
Тело клону, утону у бели сан у зору –
У зимском сну сенице у прохладној постељи.
А доживим ли месец кад љути ветар веје,
Руку даће ми Герда – риђокоса девица,
Длан ће да ми протрља и крв ће да загреје,
Нестаће прозорских шара, иња и леденица.
Тад већ без страха – доста! – изаћи ћу напоље
Да нит сунца поздравим осмехом-ликовањем,
Да слушам разнзан хор: у месец зеца поје
Вољени што су отишли – свем живом у оправдање.

* * *

*„Никад нећу умрети
Нећеш умрети ни ти“*
И.Јермакова

Без тебе нећу умрети,
Нити ћеш без мене ти.

Коров – посекох се – косим траву
Још ћу и ову, и ту куштраву.
Сузе моје чекаш ти?

Не, ово није обала реке,
Ово је ружни патрљак руке,
Што се пружа и вапи.

Трагом свога леденог кошмара
Ударам образ – као комарца
Што пије крви капи.

Извидај ми ране тим травама,
Учини све, само здрава да
Будем као и пре.

У тој јарузи, оштрица косе
Научила ме је „као и све“ –
Сажалења нема, не.

Нигде никог, а ја водим свој –
Непомирљиви смор-конвој –
Разговор у ноћи.

На длану – белег-посекотина,
Само да се докопам воде ја,
А крај ње – све ће проћи.

* * *

Пита ме: „Знаш ли зашто ми је то, зашто тако?“
Кажем: „Киша данас цео дан“, окрећем се зиду,
стежем јој руку. „Спусти ролетне полако“, –
шапуће тихо, а мисли окоштале иду,
слутим несрећу, пустош.
Из угла знане и незнане прикрадају се сени.
Каже: „Долазио је неки сед човек јутрос,
рече: убиће ме ноћас, ишчекивах, тешко мени.
Тебе сам чекала да се опростим, одлазим сада.
Живела сам дуго, радила часно, али затим...
Лежим ко нека руина, жива усред ада,
кад би бар неку таблету или да се бацим,
ево, кроз прозор“. Под танком кожом цртеж вена,
А она почиње поново: „Зашто, реци бар ти?“
Журим да побегнем из мемљивог притвора њеног,
А у улазу јато колица –живот ће победити!
А у улазу они исти натписи на зиду,
Препознаш свој кармин и већ се лакше дише.
„Оља воли Вову“, а још се и „Ј. Н.“ види.
Ево и смркава се, и више нема кише.

* * *

Киша над рибњацима патријаршијским*
Са рамена на воду капље стресала.
И заблистало сунце сјајем истинским,
Топола се савија.
Около, на клупицама, уморни,
У дремежу ил мислима суморним,
Ил у нежни загрљај утонули,
Седе људи, само ја
Застала сам пред кованом решетком,
Кишу, сунце, упијала очима,
Мислила сам – баш је овде прелепо,
Како сад да изразим ти речима
Лета лепет и чар овог празника,
Капи те, што улицу решетају...
Можда тако – хајде да без разлога
Дођемо да заједно прошетамо?

* Патријаршијски рибњаци (Патриаршие пруды) – једини рибњак у центру Москве који је сачуван до данас, омиљено место Московљана и њихових гостију, често помињано у литератури.

* * *

Нит је прећи, нит бродити: река широка,
Име реци тој је „дуг“, а вода дубока.
По дрвећу на обали, на свакој грани,
Злослутно су заграктали смрадни гаврани:
„Непријатељу, одлази, реку не мути,
Јер су њене воде бистре, таласи чисти,
Крај што желиш да освојиш неће бити твој,
Умреће у реци песма, на валима јој.
То што хоћеш – хир је само, то, што волиш – лаж,
Тешки јарам биће оно што сад отимаш,
Такав избор донеће ти страшну, тешку коб“.
А река се поиграва, стално мења ток...

* * *

У дому мом птичјег гласа нема,
Ни људске речи.
Обећано биље – зло време
Не мучи и не лечи.
Варљиви тај напитаk-дар
Тече, док је камен –
Станеш на њега, постанеш цар –
Вечности знамен.
По њему писана је руна Урус:
Простор и време.
Шикљала, млазила младост увис,
Спустила семе.
С новом су снагом у тлу живом
Младари расли
С радошћу дивно неиздрживом
За нове страсти
Кидало, прштало, напињало
Јако, до бола.
Вајао живот, обликовао,
Ал тек напола.
Разби се, расу, као иње
Кад падне с неба.
И – чујеш? – шева, и не
Жали, не треба.

* * *

Кад те је већ дуго-дуго по лицу ударало,
По пренежним прстима који натежу струну.
Сетиш се – постоји негде сва у светлима сала,
И плесни паркет, сијасет светова-огледала,
И поново оруђа мучнога рата груну.
Промиче глупо време, а мудро у даљ тече,
Таман оивичиш живот, помислиш – ево међе.
Ал врте се парови, све се у ритму креће
И твоја лева рука на раме му већ слеће...
Музика свира у парку, ваздух је свеж, разређен.

НАТАЛИЯ ЕЛИЗАРОВА

ЧЕРТА

Наталия Елизарова

ПРЕВОД НА БЪЛГАРСКИ ПЕРЕВОД НА БОЛГАРСКИЙ
ВАЛЕНТИНА РАДИНСКА

* * *

Чертата теглиш ти, ако я пресечеш
като че ли във миг ще полетиш – крилата,
като сълза прозрачна ще капе твойта реч.
Съмнения? Та те са там – отвъд чертата.
Предизгревна роса, на песекиня цвят –
възкръсна и напълни се догоре този спомен,
И сякаш не в мъгла години аз живях,
и сякаш чужд живот прелиствах, а не своя.

* * *

Сякаш хилядолетия тънала в гнила вода,
отплаваш на воля, но точно не помниш кога
обърка севера с юга, и тук – плитчина.

Пробито е дъното, и водата нахлува, но
ни лъжица, ни кофа, *Радетелите* ведно
къде потъват – в езеро, в блато – е все едно.

И позволяваш предателски ручей да кипи
от сълзи, у съдбата да молиш “реми”,
и с горчилката да си щастлива ти.

* * *

Птицата умира – пада на пръстта,
горе – крачета и долу - духът.
И дълго търсиш посред тъмнина
светлия дух в своя път.
Държиш я в шепата - но тя мълчи,
не разтваря отново крила.
Календарния ден недей да броиш,
ако птица там не е била.
Ще разровя савана снежен и мек,
на скамейка ще се приютя.
“Простено е”, - ще ми рече човек.
“Бог прости и аз ще простя”.
Не убива птици, не стреля по тях,
и не чупи крилете им той.
А беззащитен е, като монах,
сам сред пустинния зной.
Ще трябва птичето да доверя на леда,
да се върна в топлия свят.
В словесния рудник да не пестя труда,
без оглед, напук, на инат.

* * *

На Кашира

Хайде, олющвай ми кожата, пясък стоок,
от излишното, чуждото, без обнова.
Бряг като в приказка – ни нисък е, ни висок:
просто родина, на битието основа.
От древността – край градища обиколиш,
плискаш водите си пълни в ската наклонен.
Ту от татари-чергари ще ни оградиш,
ту от фашисти, после – беда не помниш.
Новата пролет с нови приижда води,
и сред полята пак – метличини сини.
С блясъка слънчев Успенският храм блести,
вишни цъфтят и ябълки – с нови сили.
И нито Иван II, нито Абдул Латиф
със венценосен дракон, чернеещ на герба,
сонм от пожари и набези, чума и тиф –
нито са счупили, нито пречупили тебе.

* * *

“Не ме погубвай, а ласкай...”

Татяна Галушко

Не, недей ме погубва ти,
докосни ме и приласкай.
В дъх на сто боровинки скрит
Моят дъх е до твойте уста.
С гълъбици ласкави аз
ще кръжа, ще те обкръжа.
Скрежа крехък, под миглите спрял,
ще превърна в миг във сълза.
В тази тръпкава, зла мъгла
не ме давай, а ме приласкай.
Ветровито е, но ти ела.
Доста хладен е днеска май.

* * *

Кифли със лобода правеха там,
на сажди миришеше, на беда.
Конски тропот – чашки падаха с крехък звън,
с мъртво злато куполи светеха вън.
Колко време – суша, и нито плод,
покосен беше сякаш цял народ.
Злите духове чувстваха: идва бой
и пълчища кумани с вик и вой.
На реката Стугня - ей на беда,
князът падна в тъмната, зла вода.
А води прииждат, потъва той
и се чува на инок заглъхващ стон.
Казвал: вземат, вземат момчето тези води,
и го дърпало дъното като с юзди.
Плач се носел навсякъде, плач и страх,
и скърбял в Чернигов-град Мономах.

* * *

Когато в многоетажното здание
един прозорец светва,
а друг – изгасва, и така в тази дълга нощ
аз гледам топлите светлинки,
чуждите щори, полилеи и чайници,
в кофеиново-полунощното подивяване.
Няма ме. Само тъмната-тъмна стая.
Може да не чакаш и да не помниш,
ако можеш да не чакаш и да не помниш.
Чистят леда сега.
Капе чешмата – и откога.
Ни-ко-га. Ни-ко-га...

* * *

Мили, дърво ще станеш, клонче зелено.
Ще ме болиш в кръвта ми, но ще ми минеш.
Ще изтечеш по вените, моите вени,
в нервните пръсти тракат, тракат съдини.
Ще ми предричат любов и време излишно,
стихове ще заплачат в свитото гърло.
Детския страх ще изплача, сълзи вдовишки,
щастиято ще дам – на скръб да не се обърне.

* * *

Струва ми се, че в дома ѝ трябва да има много
чадъри –
черни чадъри, забравени от мъже:
обикновени и с дълга дръжка – като бастуни;
струва ми се, че въпреки това
върху нея падат понякога дъждовни капки:
мокро ѝ е и студено.
Нали някой трябва да стои до нея и правилно да
държи чадъра.

* * *

Тънкотялото лято в лунички тъмни и медни
те настига, хвърля се на врата ти и се смее.
Звънчето звъни, а пък то край ухото ти дебне:
“Помниш, помниш, нали!”... Но бездруго аз не
умея
да забравям, да се обиждам, с чувства скрити.
Скърцане на весло, пръски и тежък шепот.
Пеперудено ято и пъпеш с янтарни жилки.
Думи чужди, бодливи - с неспирен екот.

* * *

На просещия във нишата
прошка не искай ти.
Там щедростта и грижата
са най-надеждният щит.
Вяраваш, стоиш под слънцето,
шлиферът ти е бял.
Щастието - е зрънце,
щом светът не е цял.

* * *

Нищо нямаме да си кажем. Говори
ако искаш за нищо, пръскай слова
напразни. Чашката, дето ми подари
се изплъзна, хванахме я едва.
И ръка ръката докосна за миг поне,
сякаш да се пече я носим в някаква пещ –
тази глинена глупост. И виждам пред мен
в стъклото: масата, шкафа, всяка вещ.
И въпреки земния студ, зло нахлул,
с топлината си ще стопя равнодушната сплав,
и ще тръгне огън по вените ми като луд,
ще променя летливите вещества.
В зеницата - сърп лунен, парченце от друг живот.
Не наранявай поглед, ако в моя го приютиш.
То е повече от тази стая, по-горчиво е от
това да чакаш. И да търпиш.

* * *

И падах във следите на снега,
лежах без дъх, с леда бездънен слята,
сънувах сън – че тичам през полята
червенобузо-боса – към брега.
Там извор бе, и виждах как тече
в тревите и през камъни корави,
естествено, че възрастните прави
пак бяха. Аз – не бях. Аз бях дете.
И гледах към небесния отвес,
безкраен и бездънен, безпокоен,
и мислех си – туй всичко за какво е?
Какво съм аз? И всички ние – без...?
За дреболии молех се – да идва
любов, за болката да има лек...
И вярвах аз, че може тук човек
щастлив да бъде. Ама че наивност!

* * *

И лежи си тя, а кракът ѝ – като дърво.
казва винаги: “ Аз без крак съм, и за какво –
паднах пред банката, на, и си счупих бедро”.
А преди това беше градината, лято добро,
ябълки, сливи, малинаци бодливи без брод.
Горски ягоди, касис – клонки, превити от плод.
Седемнайсет години не минавах по този път,
там безплодните, сухи ябълки тихо спят,
а ръждивите порти своята песен скриптят.
От лалета и лилии грудки върти суховея,
цариградското грозде във струпеи е и във клей,
а над плевника примка от жици ветреца люлей.
А самата аз казвам: “ Не се вълнувай, лежи”,
и мъчително виждам - животът в нея мъжди,
и сякаш отива нагоре и там кръжи.
А тя си спомня : “...пък дядо ти, той като никой
друг...”,
сякаш не са се изнизали трийсет години от тук,
сякаш, че днес ще си дойде, на всичко напук.
И тя ще разказва за войната, за онзи ден
когато баща ѝ попаднал във немски плен,
за по-малките братя, за сестра си – кой я отнел.
Старая се да запомня тънката ѝ ръка,
и прозрачната кожа в бързия падащ мрак,
и устата беззъба: “Отиваме си така...”
Ще трябва да мина през бурена сам-сама,
да подпиша продажбата “от еди-кога”,

паметта си за продан аз да дам без тъга.
Тук, където копах за червей крадешком,
тук, където капризничех и ревах на бегом,
и не мислех, че ще опустее този дом.

* * *

Набедил, набеден, Лебедян...
Златорогият лунен елен
по петите изпраща деня,
по вода, по беда – надалеч...
Победителят не е разпнат,
победеният ще се свести,
лопатарите лунни ще спят,
и край пътя утъпкан и див
хитър хищник ще се сниши,
ято гарвани там ще снове...
Прав им път! – Стига толкоз лъжи.
Вледенена водата лежи,
и не стигат до мен гласове.

* * *

Лъжата от нелюбов не спасява, уви,
но и с цялата истина ще се окопитиш ли...
Викай, провиквай се, опипом върви, зови,
удряй, троши си краката в издатините.

С тялото в рани - жива си при това.
В тази обвивка – там тишина звъняща е.
Ще облечеш безличието в слова,
вярвайки в миналото, а в настоящето

без да мислиш, че светлината с теб,
която залива сърцето и пада ничком,
е от полилея, а не от слънца безчет.
Слънцето е илюзия – не на всички.

* * *

Все пак аз ще те срещна... но кога –
очите равнодушно щом застинат,
щом стане лед солената вода,
и не остане нито педя синя
в очите ти за мене, и скръбта
щом стане гълъб посивял и тромав.
Ще тръгна да те търся из града,
и – на кого да се подпра? - в метрото
перилото тъй здраво ще държа,
че и земята ще ме пусне даже.
На зимата аз нищо не дължа,
и с вечното мълчание ще кажа
на риторичен някакъв въпрос
към себе си: “ А помниш ли, което..”
Бастуна си изпуска старец, бос
балонче пуска нечий син в небето.
Там може да те срещна...

* * *

Погледни небето – подпухнало е от плач.
А пък в очите ти стъклени няма сълзи.
Не значи “раздяла”, ако не си с мен по здрач.
Щом вали цяла седмица, значи буря кръжи.
На кого ли ще хвърли тя дъждовно въже?
В сивите локви на смисъла, в пурпурен мрак -
на кокалчета на пръсти, на цветно драже
ще си погадаеш за вечност - и пак, и пак.
Когато от кишата зла се отдалечиш,
и в стъклата грее тревожен светлик без звук,
докато си кършиш пръстите ти и мълчиш,
дотогава просто те няма, няма те тук.

* * *

Любов май че няма, а вярвах аз, клетата,
в това сиво бълнуване, църковно-марксистко.
Дом да имаш и син да родиш, дърво да отгледаш
и тихо да свиеш гнездо със своите близки.
А къщи вятър се мята, не намира пътя си.
Единствен син тук расте – и стена е струпана!
В дядовата градина – дърветата изпочупени,
нови ябълки да сади – кой ще си чупи пръстите.
Всичко сякаш по обща схема е, без отклонение.
е, ако син не е, ами щерка – и това си го бива.
А в паметта е зазидано всичко живо.
То не влиза в статистики, за съжаление.

* * *

Пред някой прозорец някъде да ме очаква, дано
да чупи моливи и да пуши като комин димящ.
Ако ти си половинката ми - с теб сме едно,
този бряг, този дом, този свят е – наш.
Ако погледът бяга, в ръцете - хлад недоловим,
и студът пропълзява в нас от всички страни,
Да сме просто парчета можем, ако решим.
От войната останаха руини – погледни.

* * *

Взеха го, не го спаси във срок.
Трябваше да го скриеш зад сто врати.
Ако всекиго чуваше Бог
щяхме май да летим.
Сламка като поискаш – на,
сам си постилай, мърдай, не стой.
Още някой ръжен ти трябва май?
Чаша със водка – за упокой.

* * *

В Каменка няма камъни, има огромен блок -
буца от преспи и лед легнала е над града.
Ако си тръгнал нощем сам из снега дълбок
ще си премръзнал и луд до сутринта.
В безсмислицата на алчната степ се въртиш,
ляга ниска мъгла, и поглъща тя всеки вик.
Уж си млад още, и уж кръвта ти кипи,
виж в огледалото – от там те гледа старик.

* * *

От есента се крия, не искам да ме оплаква.
Стоят надалеч скамейки, без хора по тях.
Старица разхожда внучката си, изчаква
да ги настигне песът, от студа заскимтял..
Стариците бяха три, но тази от двете
се отличаваше с ярко-рижо палто
и с тъмно-винена накривена барета,
но за друго пишех аз май, без да знам защо...
И дядо с бастунче стъпките си повтаря,
и есенен вятър в яката ми духа, студен.
И тази дума “развод” приемам на вяра,
тъй сякаш е фраза, прочетена нейде от мен.

* * *

До месеца вълчи – месеца на тишина,
трябва да допълзя, да доживея някак си.
В самото начало на дългата зима мълча,
плюс осем е още, а сякаш е – минус двацет
В прозореца ми надзърта пак сивокоса мъгла –
тази старица от сутринта гледа в стъклата.
Тялото ми изтръпва, и белият сън на власт
идва – синигер сякаш студено спи във кревата.
Ако пък доживея до месеца с вятър див -
рижата дева Герта ръка ще протегне към мене,
дланите ми ще стопли, кръвта ми ще размрази,
Ще потекат по стъклата рисунките заскрежени.
Тогавя без страх ще мога да ида в нашия двор,
с усмивка ликуваща слънцето да приветствам в
безкрая.
И в месеца весел на заека да слушам безредния
хор
на тръгналите си любими – че дишам да се
оправдая.

* * *

*“Никога не ще умра,
никога не ще умреш...”*
И. Ермакова

Няма без теб за умра.
няма без мен да умреш.

Бурени – режат – късам трева.
Ето, откъсвам това, и това.
Чакаш ли сълзи-скреж?

Туй не е бряг, не е бряг на река,
туй е нелепо парче от ръка,
теглеща и зовяща.

Леден ти мой, пълноценен кошмар,
удрям лицето си – сякаш комар
смуче си кръв и не плаща.

Раните ми превържи със трева,
хайде, какво ли ти струва това –
само днес да оцелея.

И на брега на свирепия яз
тук “като всички” ще стана и аз –
жалост ще липсва у мене.

Никого няма. И този мой вой –
непримирим и досаден конвой –
с мрака се разговори.

А по ръцете ми рани-следи,
само да стигна онези води,
и ще се свърши, и скоро.

* * *

Тя ме пита и пита: “Защо на мене, защо, знаеш
ли ти?”

Казвам : “Цял ден вали”, обръщам се, гледам в
онази стена,

стискам ръката ѝ силно. “Пердето пусни” -
шепне тихо, мислите закостеня-
ват, на пропаст лъха и на беда.

На близни и на далечни сенките се приближават
към нас.

Говори: ”Идва при мен човек побелял, с брада,
каза: ще ме убият нощес, а чаках аз.

Тебе чаках, да се простим, ще тръгна сега.

А дълго живях аз, честно работих, и ето – виж,
лежа като жива погребана в ада, и откога,
ако можеше – шепа хапчета, или, като наближи -
от високото”. Вени рисунъка набразден
вият, а тя пак: “ Защо ли, защо, кажи?”

Аз бързо напускам квартирата, пропита със тлен,
а във входа - ято колички – животът ще
продължи!

А във входа - все същите надписи са пред мен.

Разпознаваш червилото си и ти е добре.

“Оля Вова обича”, а по-ниско, ето – “Е.Н.”

Вече се мръква, и май че дъждът ще спре.

* * *

Над езерата Патриаршески
дъждът отръскваше си капките,
блестеше слънцето, играеше
топола с вятър нежен валс.
А пък по пейките насядали,
замислени или задрямали,
или прегърнати безпамятно
седяха хора, само аз
решетката кована хванала,
оглеждах и дъжда, и слънцето
и мислех си – какво е станало,
че нямам думи, да предам
това изпращане забравено,
и дъжд, и езерце помръкнало.
А може би без повод двамата
ще дойдем някой ден насам?

* * *

Как да минеш, да я прекосиш току-така -
името ѝ е “дълг”, и дълбока е тази река.
И в дърветата, дето са по бреговете ѝ
вряскат врани смрадливи, надвесени:
“Махай се, враже, реката недей мъти,
защото е с леки вълни и чисти води,
и от край време - чуждото твое не е,
песента ще умре в реката, тук ще умре.
Туй, дето искаш, каприз е, което обичаш – мит,
ще е тежко игото, дълго ще чакаш ти,
ще е изборът тежък, след себе си скръб влече”.
А реката играе, но настрани тече...

* * *

И няма в моя дом ни птичи трели,
нито човешки речи.
Настойка обещана – злото време
не мъчи и не пречи.
Това измамно билково лекарство
тече, но камък –
стъпи със крак, превземай царство –
стои безкрайно.
Той пази тази руна Уруз:
пространство-време.
Препуска младостта ти бурна,
и рони семе
във жива почва, с нова сила
покълва стръкче,
и с радостта непоносима
към нега съща
те тласкаше и те дереше,
не се размина.
Животът ваеше, лепеше,
наполовина
се сбъдна, като скреж отмина,
в пръстта напада.
И – жерав, чуваш ли го? – и не
скърби, не трябва.

* * *

Ако дълго-дълго ти удрят лицето без жал,
и нежните пръсти, опъващи струна една,
ти си спомняш, че някъде има зала за бал,
паркет на фигури и огледала с овал,
и започваш отново нелепата си война.
Тече глупаво време, а мъдрото е в буренак,
ти разделяш живота, от себе си го крадеш.
Но двойки танцуват в ритъм размерен, в такт,
и ти слагаш ръка на рамото му, и пак
само музика има в парка, и въздух свеж.

ТАТЈАНА НИКОЛСКА
ТАТЈАНА НИКОЉСКА

ОБ АВТОРЕ
О АУТОРУ
ЗА АВТОРА

Мы привыкли думать, что для человека естественно стремиться к счастью. Наталия Елизарова ломает этот стереотип: для её лирической героини счастье не только не самоцель, но даже и его существование сомнительно. Смысл жизни – в гармонии бытия, где радость и горе, любовь и нелюбовь, жизнь и смерть идут рука об руку и завясят друг от друга. В поисках этой гармонии придётся преодолеть распавшуюся «связь времён» - разрыв между прошлым и настоящим. Прошлое умерло, а очертания настоящего едва проступают. В зыбком настоящем надо найти своё «я»: через неизбежные и, более того, - необходимые боль, потери, страдания происходит обретение себя.

Наталия Елизарова – глубокий, рефлексирующий поэт, обладающий узнаваемым, не похожим на других голосом. При этом её слова ясны, образы выпуклы, стихи музыкальны. Это ли не гармония?

Татьяна Никольская, к.ф.н.

Литературный институт имени А. М. Горького

Навикли смо на мисао да је људско стремљење срећи природно. Наталија Јелизарова разбија тај стереотип: за њену лирску хероину срећа не само да није сама себи циљ, него у сумњу доводи и његово постојање. Смисао живота је у хармонији бивства, где радост и туга, љубав и нељубав, живот и смрт иду руку под руку и зависе једни од других. У трагању за том хармонијом мора се превазићи раскинута „веза времена“, односно јаз између прошлости и садашњости. Прошлост је умрла, а обриси будућности се једва назире. У лелујавој садашњости треба наћи сопствено „ја“: проналажење себе се дешава кроз неизбежне и, итавише, неопходне губитке, патњу и бол.

Наталија Јелизарова је дубок рефлексивни песник, који поседује препознатљив, другима несличан глас. Притом, њене речи су јасне, ликови рељефни, а стихови мелодични. А зар то није хармонија?

мр Татјана Никольска,

Институт за књижевност „М. Горки“, Москва

Свикнали сме да мислим, че за човека е естествено да се стреми към щастие. Наталия Елизарова разчупва този стереотип: за нейната лирическа героиня щастието не само не е самоцел, но дори и самото му съществуване е съмнително. Смисълът на живота е в хармонията на битието, където радост и скръб, любов и нелюбов, живот и смърт вървят ръка за ръка и зависят един от друг. В търсене на тази хармония ще се наложи да се преодолее разпадащата се «връзка между времената» - разривът между миналото и настоящето. Миналото го няма, а очертанията на настоящето едва се провиждат. В несигурното настояще трябва да намериш своето «аз»: чрез неизбежните и, нещо повече - необходими болки, загуби и страдания, се случва намирането на себе си.

Наталия Елизарова е дълбок, рефлексиращ поет, който притежава разпознаваем глас, не приличащ на други гласове. При това думите ѝ са ясни, образите - релефни, стиховете - музикални. Нима това не е хармония?

Доц. Татяна Николска,
Литературен Институт “М. Горки”, Москва

БИОГРАФИЯ
БИОГРАФИЈА
БИОГРАФИЯ

Елизарова Наталия – поет родилась в г. Кашира Московской области. По первому образованию юрист. Окончила Литературный институт им. Горького.

Член Союза писателей г. Москвы. Стихи публиковались в журналах: «Урал», «День и ночь», «Зинзивер», «Нева», «Бельские просторы» и других. Переведены на английский, сербский, немецкий, польский, румынский, венгерский языки.

Автор книги стихов „Осколок сна”.

Наталија Јелизарова је песникиња рођена у граду Кашира, у Московској области. По основном образовању је правник. Завршила је Филолошки факултет „Горки“.

Члан је Удружења књижевника Москве. Поезију је објављивала у часописима „Урал“, „Дан и ноћ“, „Бутбир“, „Нева“, „Белски простори“ и другим. Превођена је на енглески, српски, немачки, полски, румунски и мађарски језик.

Аутор је песничке књиге „Крхотина сна”.

Наталия Елизарова – поет, е родена в град Кашира, Московска област. Първото и образование е юридическо. Завършила е Литературния институт “Максим Горки”.

Член е на Съюза на писателите на Москва. Публикувала е стихове в списанията “Урал”, “Ден и нощ”, “Зинзивер”, “Нева”, “Белски пристори” и други. Преведена е на английски, сръбски, немски, полски, румънски и унгарски език.

Автор на книгата със стихове “Парчета от съня”.

СОДЕРЖАНИЕ

*** (Черта проведена...)	7
*** (Словно тысячу лет...)	8
*** (Умирает птица...)	9
*** (Отшелуши мою кожу...)	10
*** (Не губи меня, не губи)	11
*** (В доме булки делали с лебедой)	12
*** (Когда в высотном доме)	13
*** (Милый, ты станешь веточкой...)	14
*** (Мне кажется...)	15
*** (Узкотелое лето...)	16
*** (В нише слепого нищего)	17
*** (Говорить не стоит, не о чем...)	18
*** (И падала в пустую полынью)	19
*** (А она лежит, и нога у нее – бревно)	20
*** (Дребедень, лабудень, Лебедадь...)	22
*** (Ложью ты не спасешься от нелюбви)	23
*** (Когда-то встречу, может быть...)	24
*** (Посмотри на небо...)	25
*** (Пожалуй, любви нет...)	26
*** (Чтобы кто-нибудь где-нибудь...)	27
*** (Отняли или не уберег)	28
*** (В Каменке нет камней...)	29
*** (Я спрячусь от осени...)	30
*** (До месяца волка – месяца тишины)	31
*** (Я без тебя не умру)...)	32
*** (Она спрашивает меня...)	34
*** (А дождь завис над патриаршими...)	35
*** (Не проехать, не перейти...)	36

*** (И нет в доме моем ни птичьей трели) 37

*** (Когда долго-долго бьют тебя по глазам).... 38

САДРЖАЈ

*** (Црта је подвучена...)	41
*** (Ко да већ читав еон стојиш...)	42
*** (Умире птица, пада у двориште)	43
*** (Де, сљушти ми кожу...)	44
*** (Не погуби ме, не погуби)	45
*** (Тад су пекли погаче са лободом)	46
*** (Када се у вишеспратници)	47
*** (Мили, постаћеш грана...)	48
*** (Мислим да у њеном стану)	49
*** (Танковијасто лето с пегама...)	50
*** (У ниши нишчег улудо)	51
*** (Не вреди говорити)	52
*** (Падала сам у ледени бездан)	53
*** (А она само лежи...)	54
*** (Пребудан, лепетан, Лебедјан)	56
*** (Лажима се нећеш спасти...)	57
*** (Једном ћу срести, може бити...)	58
*** (Погледај према небу...)	59
*** (Па добро, љубави нема...)	60
*** (Да неко негде чека...)	61
*** (Отели су ти, ил ниси сачувао)	62
*** (Каменка нема камења...)	63
*** (Скрићу се од јесени...)	64
*** (До месеца вука...)	65
*** (Без тебе нећу умрети)	66
*** (Пита ме: „Знаш ли зашто ми је то...)	68
*** (Киша над рибњацима патријаршијским) ..	69
*** (Нит је прећи, нит бродити...)	70

*** (У дому мом птичјег гласа нема)	71
*** (Кад те је већ дуго-дуго...)	72

СЪДЪРЖАНИЕ

*** (Чертата теглиш ти...)	75
*** (Сякаш хилядолетия...)	76
*** (Птицата умира – пада на пръстта)	77
*** (Хайде, олющвай ми кожата...)	78
*** (Не, недей ме погубва ти)	79
*** (Кифли със лобода правеха там)	80
*** (Когато в многоетажното здание...)	81
*** (Мили, дърво ще станеш...)	82
*** (Струва ми се...)	83
*** (Тънкотялото лято в лунички тъмни...)	84
*** (На просещия във нишата)	85
*** (Нищо нямаме да си кажем...)	86
*** (И падах във следите на снега)	87
*** (И лежи си тя...)	88
*** (Набедил, набеден, Лебедян...)	90
*** (Лъжата от нелюбов не спасява...)	91
*** (Все пак аз ще те срещна...)	32
*** (Погледни небето...)	93
*** (Любов май че няма...)	94
*** (Пред някой прозорец...)	95
*** (Взеха го, не го спаси във срок)	96
*** (В Каменка няма камъни...)	97
*** (От есента се крия...)	98
*** (До месеца вълчи...)	99
*** (Няма без теб за умра)	100
*** (Тя ме пита и пита...)	102
*** (Над езерата Патриаршески)	103
*** (Как да минеш...)	104

*** (И няма в моя дом ни птичи трели) 105

*** (Ако дълго-дълго...) 106

Татяна Николска ☞ Татјана Никољска:

Об авторе ☞ *О аутору* ☞ *За автора* 107

Биографија ☞ Биографија ☞ Биографија 111

Библиотека
ЛОГОС

НАТАЛИЈА ЕЛИЗАРОВА НАТАЛИЈА ЈЕЛИЗАРОВА
ЧЕРТА ЦРТА

Перевод на сербски Превод на српски
ВЕРА ХОРВАТ

Перевод на болгарски Превод на бугарски
ВАЛЕНТИНА РАДИНСКА

Илустрации Илустрације Илустрации
ЈУЛИЈА РУЖНИКОВА ЈУЛИЈА РУЖНИКОВА

Издатель Издавач Издателство
АРКА СМЕДЕРЕВО & СКОПЈЕ

За издавача
РИСТО ВАСИЛЕВСКИ, директор

Пласман
АРКА, СМЕДЕРЕВО & СКОПЈЕ
11300 Смедерево, „Др Миладина Милића” 3
E-mail: arkasmed@yahoo.com; ristovas@gmail.com

Компјутерска припрема и штампа
Arka press, Смедерево

Тираж
500

Первое издание Прво издање Първо издание
2014 г. 2014.

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

821.161.1-1

ЕЛИЗАРОВА, Наталија

Черта = Црта / Наталија Елизарова = Наталија Јелизарова ;
превод на српски, превод на сербски Вера Хорват, превод на
бугарски, превод на болгарски Валентина Радинска ; [илуст-
рации, илустрации Јули Ружникова = илустрације Јулија Руж-
никова]. 1. изд. - Смедерево : Арка, 2014 (Смедерев: Арка press).
- 121 стр. : илустр. ; 21 см. - (#Библиотека #Логос / [Арка,
Смедерево])

Упоредо рус. текст и срп. и буг. превод. - Тираж 300.
- Биографија = Биографија: стр. 113.

ISBN 978-86-7610-148-1

COBISS.SR-ID 208482572